

Словно волшебник из сказки

Имя Эдуарда Жердера появилось на афишах Свердловска в конце 1966 года. Это было слабое время, когда на сцене еще чародействовал А. Мареннич, поражала глубиной и филигранностью своих работ М. Вискс, захватывал и увлекал героической романтикой и силой человеческих страстей «Черный дракон» с С. Духовным и Н. Энгель-Утиной в главных ролях. Можно представить, с каким волнением молодой актер вступил на сцену Свердловского театра музыкальной комедии.

Ему было легко и трудно. Легко потому, что творческие принципы коллектива были ему близки (он сразу понял, что это его театр, его режиссура), потому, что умел отдаваться полностью творчеству, трудясь буквально «до седьмого пота» в репетиционном зале, в балетном классе, на сцене. А в Свердловском театре это умеют ценить. Ему было трудно потому, что до совершенства было еще далеко, потому, что рядом были такие мастера, до которых, как тогда казалось, ему никогда не дотянуться.

Первые роли — первые пробы сил. А сил потребовалось немало: Жердер в первые месяцы работы вошел в добрый десяток спектаклей. Музыкальность, пластичность, чувство жанра, актерское обаяние — все наличествовало в работе молодого актера, да еще истинное желание играть как можно больше и лучше. И появлялись один за другим милые, симпатичные, простодушные герои, умеющие понравиться залу обезоруживающей обаятельной улыбкой, сорвать аплодисменты лихо выполненным танцем, эффектным «уходом»...

Как показала жизнь, этого было еще недостаточно. Скоро, очень скоро актер начинает все увереннее проявлять свое творческое «я», свою индивидуальность, собственный исполнительский почерк. Можно сказать, что период становления у Жердера был сведен к минимуму. Сказался опыт работы в оперетте, насчитывавший в то время уже более десяти лет (но он же частенько и мешал!). А главное — помогли умение учиться мастерству, требовательная и чуткая режиссура Свердловского театра, сам дух взыскательности и профессиональный уровень труппы. За внешне безукоризненной «формой» героев классических оперетт у Жердера все чаще проглядывал человеческий характер, виднелись биография, судьба.

Первые пробы сил в советском репертуаре дали ему немало. В «Бородатых мальчишках» актер исполнял две роли. Трудно представить более разных по характеру персонажей. Это Бородач, один из ведущих спектакля, особенно остро выявлявший его публицистическое начало, и фарировщик Вася — наглый и трусоватый тип, один из обитателей болота, чуть было не засосавшего главного героя. Если прибавить к этим ролям революционного матроса Зюзины и «великого князя» Дмитрия Павловича в «Белой ночи», то, наверное, можно увидеть истоки последующих направлений творческих поисков актера. Так, Бородач был прямым предшественником Ведущего в «Калифорнийском сувенире», чьи зонги так волновали зрительный зал страстной публицистичностью, гневными словами в адрес поджигателей войны. Эскизные наброски портрета Васи были в дальнейшем расцвечены яркими красками мира персонажей отрицательных, этого сомна великосветских бездельников, лукавых царедворцев, бездумных шалопаев старых и новых времен.

А рядом — ясный и светлый мир активного добра и страстной убежденности у революционного актера Петра Красного («Гори, гори, моя звезда»), легендарного Василия Теркина, публицистически точного и эмоционально яростного Лундиджи де Симоне («Калифорнийский сувенир»), одержимого идеей мести фашистам Женьки Мороки («Черная береза»).

Особо хочется выделить истинно «жердеровских» героев, которые начали появляться с приходом на сцену хитроумного Бесомыки из «Девячьего переполоха». Среди них и никогда своего не упускающий Плутон в «Прекрасной Елене», умница Шельменко («Жил-был Шельменко»), пройдоха Бумбачо («Купите пропуск в рай»). Всех их объединяет манера высказывания актера, его лукавая хитринка, второй план персонажа, когда ждешь какого-то фокуса, изюминки роли и получаешь эту «ожидаемую неожиданность».

Первое место в этом ряду принадлежит, конечно, королю Влану из «Путешествия на Луну» Ж. Оффенбаха, — одной из последних по времени работ Э. Жердера, где сконцентрировались его актерское мастерство, его лучшие качества как исполнителя. Кажется, все, что накапливалось за годы работы в театре, вылилось в этой роли. Здесь и виртуозное владение текстом, и специфическая манера подачи вокальных сцен, и филигранное выстраивание диалога с партнерами, и лукаво-добродушная отстраненность от персонажа, этакая де-



монстрация своего героя, которого, конечно, надо бы осуждать, но! — не хватает сил, поскольку смотрите, какой он неунывающий, себе на уме и как весело и органично живет он в этом необыкновенном мире, имя которому — оперетта!

При всем разнообразии героев Жердера они остаются прежде всего персонажами опереточного действия — живут в атмосфере яркого праздничного зрелища, не исключая, конечно, глубоких мыслей, заложенных в основу того или иного произведения, но преломляющего, отражающего идеи по-своему, со свойственным оперетте всепоглощающим оптимизмом. Это обуславливает и особенности создания образа. Как бы ни был смешон и глуповат Коломан Зупан, хитер и расчетлив граф Оскар из «Рыцаря Сияющей Бороды», величественно небрежен разорившийся король Влан, «отрицателен» Бумбачо, все герои Жердера остаются обезоруживающе обаятельными созданиями, выстроенными в точном соответствии с требованиями жанра. И здесь актеру помогают удивительная естественность поведения на сцене, музыкальность, безукоризненное чувство смешного, обаяние добродушия.

В работах Жердера отразилась и еще одна черта его творческой индивидуальности. Это свойственная искусству оперетты импровизационность, исходящая из совершенного знания задач постановки, умения слышать партнера, природного остроумия, хорошего вкуса и чувства меры.

Импровизация импровизации рознь. Со сценных театров оперетты приходится слышать такую «отсебятину», что становится стыдно и за исполнителя, и за театр, и за жанр в целом. Эдуард Жердер учился мастерству остроного слова у Анатолия Григорьевича Мареннича, непревзойденного мастера репризы. Кажущаяся «сиюминутность» рождения той или иной остроты частенько была обманчивой. Немногие знали, что Анатолий Григорьевич вынашивал свою находку не один день, пробовал ее, «примерял» и лишь потом выносил на публику.

Вот и Э. Жердер остроумно дописал роль Гениального Сыщика в «Бременских музыкантах». В сцене с Глупым Королем он был неподражаем, особенно после преобразования в «баушку-старушку-сыщенку», которая «след узяла» («след» был буквально — стелька).

В сцене из «Путешествия на Луну» король Влан — Жердер, сетуя на последствия своих неудачных браков, замечает, что в результате разводов у него остались ползавка, дворцовая площадь и «фонтан в полструн» (зал обычно встречает эту находку дружным смехом). Вдохновляясь идеей сына лететь на Луну, Влан в споре с сомневающимся королевским ученым Леметром — В. Сытником постепенно понимает его в должности — от «доцента» до «абитуриента», на что зрители опять реагируют аплодисментами и смехом.

Но любая находка Жердера — не самоцель. Она в «контексте» роли, помогает донести до зрителя ту или иную черту характера героя. Шестнадцать лет промелькнули, как один день. Десять сыгранных ролей, любовь зрителей, высокое звание народного артиста республики. Русые кудри того пареня из 1966 года незаметно превратились в серебристые, он приосанился, стал медлительнее, «солиднее».

Все это так, но не на сцене, не в работе. И сегодня зал от души смеется вместе с актером над воинствующим несежеством и подлобострастием чеховского Жигалова из «Свадьбы с генералом», злоключениями незадачливого Степы Сухорукова из «Старых домов», перевоплощениями Кадо («Цыган-премьер»), симпатизирует Франсуа («Фиалка Монмартра») и горячо благодарит актера за ту радость общения с искусством оперетты, которую он щедро дарит любителям театра.

И. ГЛАЗЫРИНА.

На снимке: народный артист РСФСР Э. ЖЕРДЕР.

Фото Ю. Подкидывшева.